

Андреас Умланд

Берлин, Киев, Москва и трубы

Восточная политика Германии в поле напряжения российско-украинских отношений

В то время как Российская Федерация пользуется повышенным вниманием немецкой общественности, второе по размерам государство-наследник СССР – Украина – лишь изредка становится объектом адекватного освещения в прессе, глубоких публичных и политических дискуссий. Такая несоразмерность является подспудной причиной некоторых сомнительных тенденций в развитии немецкой восточной политики. Для нее, в частности, характерна недооценка потенциала напряжения в отношениях между Россией и Украиной в связи с усилиями Германии по поддержке строительства российским Газпромом подводных газопроводов «Южный поток» и «Северный поток». Низкий рейтинг Украины в немецком публичном дискурсе находится в противоречии с существенным значением этой страны в геополитическом отношении, а также в сфере политики безопасности. Европейский Союз упустил возможность использования своего важнейшего инструмента для европеизации Украины после Оранжевой революции 2004 года – перспективы членства в ЕС. Необходимость переориентации европейской и восточной политики Германии давно назрела.

Пойдет ли газ в обход Украины в связи с запланированным строительством трубопровода по дну Черного моря?... Идет ли речь только о Газпроме, или и о других игроках»¹

Из выступления Гюнтера Оттингера, комиссара ЕС по вопросам энергетики, на брюссельской встрече, посвященной «Южному Поток», 25 мая 2011 года

«Крым, Малороссия, Украина, казацкие степи Казахстана, Приднестровье и Прибалтика – это родовая территория русской нации»²
Дмитрий Rogozin, заместитель Премьер-министра Российской Федерации

Андреас Умланд (1967), д-р филол. и фил. наук, преподаватель Немецкой службы академического обмена (DAAD) в Киево-Могилянской академии. Издатель серии книг “Soviet and Post-Soviet Politics and Society“ (www.Ibidem-verlag.de/spps.html) и член Валдайского международного дискуссионного клуба, г. Москва, а также Центрального института центрально- и восточноевропейских исследований, г. Айхштетт. Критические замечания и ценные дополнения к более ранней редакции текста внесли Йенни Альварт (Ляйпциг), Богдан Андросчук (Берлин), Йонас Гретц (Цюрих), Аннет Юлиус (Бонн), Ирене Ган (Берлин), Михаэль Ген (Гайдельберг), Мириам Космель (Киев), Штефан Майстер (Берлин), Андреас Метц (Берлин), Роман Ницович (Киев), Хайко Пляйнес (Бремен), Йоганнес Пост (Киев), Эберхард Шнайдер (Зиген), Ганс-Хеннинг Шрёдер (Берлин), Ульрих Шпек (Гайдельберг), Андреас Штайн (Киев), Сузан Стюарт (Берлин), Дитмар Штюдемманн (Берлин), Уве Умлауф (Киев), Томас Фогель (Брюссель), Ганс-Георг Вик (Берлин) и Кристиан Випперфюрт (Берлин), за что я сердечно их благодарю. Высказываю особую благодарность Вилфриду Йилге (Ляйпциг) за особенно подробный комментарий, а также полезные предложения к первичному тексту. За оставшиеся ошибки или неправильные истолкования я несу ответственность сам.

¹ Speech of Commissioner Oettinger at the South Stream event. Brussels, 25. May 2011.

http://eeas.europa.eu/delegations/russia/documents/news/20110525_en.pdf

² Д.А. Rogozin. Основы национальной пропаганды. Глава из книги «Враг народа» (Часть 2). Москва, 2006. <http://rys-archipelag.ucoz.ru/publ/9-1-0-498>. Rogozin использует амбивалентный термин «Малороссия», который применяется как для обозначения части Украины, напр. ее левобережных территорий, так и Украины как единого целого.

В то время как интерес немецких политиков и общественности к Российской Федерации остается неизменно высоким, внимание влиятельных средств массовой информации и субъектов принятия определяющих решений в Федеративной Республике Германия к другим бывшим советским республикам является ощутимо более низким. Их присутствие в большинстве своем увязывалось с масштабными политическими, культурными или спортивными событиями, например, чемпионатом Европы по футболу 2012 года, или с определенными скандальными тенденциями развития, в частности, лишением свободы оппозиционных политиков в Беларуси и Украине. Тем не менее, в среде релевантных немецких экспертов высокого уровня за прошедшие годы интерес к странам-участницам программы Восточного партнерства ЕС слегка возрос: это, в частности, проявилось в недавнем росте количества подиумных дискуссий и конференций по Украине и Южному Кавказу в Берлине. Впрочем, типичным для широкого публичного дискурса и впредь остается преимущественное игнорирование, а иногда и безразличие к восточноевропейским и кавказским республикам бывшего Советского Союза. В случае с некоторыми из этих стран это проблематично еще и в том отношении, что они принадлежат к числу главных жертв политики ведения войн и оккупации со стороны Германии, и пострадали от них больше, чем, например, нынешняя Российская Федерация, большая часть которой не была оккупирована. Этот пробел касается прежде всего Беларуси и Украины, восточнославянских государств, вызывающих особый интерес со стороны Москвы и пребывающих в тени политики Германии относительно России.

Продолжающееся невнимание со стороны политики и средств массовой информации, в частности и к Украине, в последние годы стало сомнительным не только с точки зрения исторической памяти, но и политики безопасности. Это связано с растущей активностью немецких предприятий и общественных деятелей в геоэкономике Восточной Европы – в особенности, в российских проектах по строительству газопроводов – что также осознается в недостаточной степени. Эти проекты при поверхностном взгляде производят впечатление экономических сделок между Западной Европой и Россией. Однако их обратное геополитическое влияние тесно связано с будущей целостностью и суверенитетом некоторых бывших нерусских советских республик – в первую очередь, Украины. Тогда как для общественности в Германии эта взаимосвязь остается скрытой, для украинцев тесная связь между немецко-русскими экономическими отношениями, с одной стороны, и будущим украинского государства, с другой стороны, является очевидным фактом.

Вкусовые пристрастия немецкой политики в отношении России

Немецкие политики и менеджеры, принимающие участие в геоэкономическом сотрудничестве с Кремлем, возражали бы против своей причастности к российским неоимперским схемам. Однако тот, кому известен механизм функционирования внутренней и внешней политики нынешнего кремлевского руководства, знает, что деятельность крупных государственных российских концернов разворачивается отнюдь не только в русле экономических директив. Это касается, прежде всего, самого крупного игрока такого рода – концерна «Газпром» - вовлеченного в различные важные геополитические, а также геоэкономические проекты внутри и вне России. При этом, как свидетельствует нынешний спор вокруг цены на газ для Украины, стремление к получению прибыли и геополитический расчет не обязательно вступают в противоречие друг с другом.

Каждый, кому знаком внешнеполитический образ мышления в России, также подтвердит, что одним (хотя и не исключительным) из приоритетов России в так

называемом «ближнем зарубежье» является Украина. Потеря Киева – колыбели всех трех восточнославянских титульных наций, так называемых «велико-», «мало-» и «белоросов» - и доныне вызывает фантомную боль в душе русского народа. Особенно раздражает Россию в распаде Советского Союза то, что полуостров Крым в Черном море, населенный преимущественно этническими россиянами и важный с точки зрения национальной мифологии, военной стратегии а также туризма, по исторической случайности отошел к Украине, а не к России. Главной целью внешней политики Кремля сегодня является как можно более тесная новая привязка Украины к Российской Федерации, а в идеале – создание нового союза трех восточнославянских (а также некоторых других бывших советских) республик, разумеется, под предводительством Москвы.

Конечно следует согласиться, например, с критикой Якопо Марии Пепе американского неоконсервативного постулата о том, что «экспорт (энергии в Европу) из России представляет жизненную угрозу»³. Такой подход ложен хотя бы ввиду того, что зависимость России и Европы является обоюдной. Не только Европа зависит от поставок энергоносителей из России, Россия также нуждается в европейском рынке сбыта нефти и газа, в особенности платежеспособных потребителей в Западной Европе, для наполнения своего государственного бюджета. Однако многие политические обозреватели и на Востоке, и на Западе согласились бы с тем, что стабильность отношений между Москвой и Киевом, а также соблюдение со стороны российской власти элементарного баланса в отношении Украины имеют фундаментальное значение для европейской структуры безопасности после окончания холодной войны.

В этом контексте сочетание весомого – хотя и зыждущегося в основном на сырье – экономического потенциала России с частными экономическими интересами определенных немецких политиков и предпринимателей создают нездоровую запутанную ситуацию. Кремль искусно использует немецкую необознанность, беспечность или самообман относительно мотивов и геостратегического контекста российской внешнеэкономической политики в Восточной Европе. Балтийский газопровод «Северный поток» - один из крупнейших инфраструктурных проектов в истории Европы – пока яркий тому пример. Через него прямо по дну моря будут осуществляться поставки российского газа, который до сих пор протекал преимущественно по территории Украины, в Германию. Поставки в обход Украины являются главным смыслом и целью дорогостоящего трубопровода⁴. При этом России на руку то, что во времена Советского Союза вначале были исчерпаны украинские залежи газа (за исключением сланцевых месторождений), в то время как существенная часть традиционных сибирских месторождений длительное время оставалась нетронутой.

Не исключена и возможность реализации еще более дорогого - ввиду большей глубины Черного моря - параллельного российского проекта «Южный поток». Сооружение второго подводного газопровода по дну Черного моря имело бы далеко идущие последствия для российско-украинских отношений. В сочетании с «Северным потоком» и Белтрансгазом, белорусским газопроводом, который уже находится под полным контролем «Газпрома», «Южный поток», выражаясь словами руководителя Газпрома Алексея Миллера, превратил бы крупнейшую стратегическую «статью активов» Украины – ее нефтегазотранспортную систему – в «металлолом». Эксперт по вопросам

³ Jacopo Maria Pepe: Die Gasversorgung Europas. Das Dreieck EU - Russland – Ukraine zwischen Geopolitik, Geoökonomie und Securization. Horizonte 21. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2010. С. 14.

⁴ Stratfor: Russia's Nord Stream pipeline weakens Ukraine's position, in: Kyiv Post, 8.9.2011.

энергетики и Восточной Европы из Цюриха Йонас Гретц констатирует: «Проект «Южный поток» нацелен также и на то, чтобы подорвать сильную переговорную позицию Украины как государства-транзитера [...]»⁵. Гретц замечает также, что «проект «Северный поток» размывает позиции Украины как важнейшего транзитного государства для поставок российского газа в Европу, что усиливает положение Газпрома на переговорах и повышает возможность применения газа как политического инструмента»⁶. Другой западный обозреватель и вовсе высказывает такое мнение: «Оба газопровода [Северный и Южный поток] после строительства могли бы де факто поставлять совокупный объем газа, протекающего по территории Украины, в Европу, вследствие чего удалось бы добиться почти полного решения проблемы украинской ГТС»⁷. Следствием этого стал бы еще более сильный сдвиг в распределении сил в Восточной Европе, чем тот, который уже произошел в результате поэтапного ввода в эксплуатацию нитей газопровода «Северный поток» в 2011-2012 гг. Столь глубокое изменения расклада сил в Восточной Европе несет в себе угрозу паневропейской архитектоники безопасности. Ее, и этого не следует забывать, со времени окончания холодной войны постоянно сотрясали военные конфликты на посткоммунистическом пространстве, в частности, в бывшей Югославии, Молдове, а также на Северном и Южном Кавказе.

Различные немецкие фирмы и публичные деятели пошли на несоразмерно тесное сотрудничество с государственными и близкими к правительству российскими структурами. В частности, удивляет видная роль бывших политиков Социал-Демократической партии Германии (СДПГ) в империи концерна «Газпром»: бывший федеральный канцлер Герхард Шрёдер с 2005 года является председателем Наблюдательного совета компании по эксплуатации «Северного потока», в то время как бывший мэр Гамбурга Хеннинг Фошеру с апреля 2012 года выполняет ту же функцию в составе акционерной компании по транспортировке газа через «Южный поток». Поражает то, как без тени стеснения высокие представители немецкой социал-демократии выступают в защиту интересов государственного концерна, принадлежащего авторитарному режиму Путина, а также его других сомнительных геозкономических проектов.⁸ К тому же, украинские оппозиционные национал-демократы связывают это явление со странным сотрудничеством, которое поддерживает социал-демократическая фракция в Европейском Парламенте с Партией регионов Януковича. Показательно и то, что помимо европейских социал-демократов другими партнерами украинской Партии регионов являются путинская «Единая Россия», а также Коммунистическая партия Китая.⁹

В Германии все же принципиально осознают одиозность особых политических и экономических отношений части немецкой элиты с Россией, а иногда они становятся даже предметом едких комментариев журналистов. Ввиду очевидного понимания политической и этической амбивалентности этих отношений дискуссии об их

⁵ Jones Grätz: Russia's Pipeline Overstretch. Market Monopolization at the Expense of Reliability, in: Russian Analytical Digest, Nr. 113, 15.5.2012. С. 9-12, здесь с. 11.

⁶ Там же, с. 10.

⁷ Pepe: Die Gasversorgung Europas, с. 110.

⁸ По поводу таких же, хотя и менее ярко выраженных тенденций в христианско-демократических кругах см.: Markus Wehner: So schön kann Russland sein. Adel, Gasprom, der Bundespräsident und die CDU. Die „neue Generation“ fliegt zum Netzwerken nach Moskau, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 14.5.2011.

⁹ Taras Kuzio: Strange Bedfellows. EU Socialists and Yanukovych, in: EUobserver, 29.10.2010. <http://euobserver.com/7/3158>; Andreas Umland: Is Europe Losing Ukraine? EU representatives have failed to stand up against the recent decline of Ukrainian democracy, in: Foreign Policy Journal, 12.4.2010. <http://www.foreignpolicyjournal.com/2010/04/12/is-europe-losing-ukraine/0/>.

возможном побочном ущербе, геостратегических подтекстах и долгосрочных последствиях в меру их проявления проходят преимущественно вполголоса. В Украине же, а также в среде украинской диаспоры, политическая дружба между Германией и Россией, а также растущее экономическое переплетение их интересов в последние месяцы стало постоянной злободневной темой в средствах массовой информации. Причина – ощущение Украиной того, что восточноевропейская политика Германии в сфере энергетики осуществляется за счет украинского суверенитета.¹⁰ Такие обвинения сами по себе ложны. Некоторые голоса в украинской прессе и провокационные политические комментарии («Четвертый рейх», «Дранг нах Остен» и т.д.) почти примитивны по своему характеру.¹¹ Кроме того, с недавних пор немецкое пугало используется близкими к украинскому правительству «политтехнологами» для создания внутривнутриполитических настроений, в частности, когда на Ангелу Меркель взваливают вину за перебои в европейской интеграции Украины в период президентства Януковича.

Однако, с одной стороны, следует принимать в расчет то, что украинское государство еще молодо, а потому и относительно хрупко. Украинская интеллигенция чутко отслеживает и реагирует на все, что хотя бы создает впечатление опасности для только что добытой независимости. Явная несдержанность и отдельные преувеличения в украинских оценках политики Германии по отношению к России, пронизаны недоверием не столько к Берлину, сколько к намерениям Кремля относительно Украины. До сих пор правилом в постсоветской Украине – и этого не следует забывать – была широко распространенная «германофилия», которая лишь в самое последнее время в связи с отношениями между Германией и Россией, которые рассматриваются как опасные для Украины, частично трансформируется в «германофобию». С другой стороны, экономические – а возможно и экологические – аргументы в пользу затратных подводных газопроводов ввиду хотя и требующей обновления, но все же высокой пропускной способности Украины, неубедительны. Общая стоимость Северного и Южного потока может составить до 40 млрд. евро.¹² Существуют более выгодные альтернативные стратегии обеспечения снабжения Европы газом, чем дорогостоящие офшорные трубопроводы. Совсем недавно Гретц обратил внимание на то, что с полным вводом в эксплуатацию «Северного потока» в конце 2012 года пропускная мощность России по поставкам газа в направлении Европы уже достигнет уровня в 250 млрд. куб. м., хотя реальные потребности в экспорте газа в 2011 году составляли, например, всего 112 млрд. куб. м.¹³

Строительство газопроводов в обход Украины обосновывается тем, что для Запада Россия является исторически преимущественным партнером по энергетическим вопросам. Сама Москва даже во времена холодной войны и несмотря на неоднократную политическую эскалацию никогда не ставила под вопрос энергообеспечение Западной Европы. Однако при этом остается неясным вопрос, почему бывшая надежность поставок из СССР сегодня ставится в заслугу одной России, а не в том числе и Украине, а также Белоруссии, которые входили в состав того Советского Союза. Даже циничное противопоставление украинской плюралистичной нестабильности, с одной стороны, и российской авторитарной стабильности, с другой, потеряло свою убедительность с момента московских декабрьских акций протеста 2011

¹⁰ Taras Kuzio: Germany against Kyiv's Westward push, in: Kyiv Post, 3.4.2008.

¹¹ См., напр. перевод на немецкий язык гротескной статьи киевского политтехнолога Костя Бондаренко, а также некоторые связанные с ней дискуссионные статьи в

¹² Grätz: Russia's Pipeline Overstretch, с. 9.

¹³ Там же.

года. То, что Российская Федерация за прошедшие 20 лет оказалась втянутой в различные военные акции как внутри страны, так и за ее пределами, в то время как независимая Украина – невзирая на все физические столкновения в парламенте – с 1991 года идет по пути мирного развития, в такой аргументации преимущественно не упоминается.

Помимо этого, поведение России в сфере европейской энергетической политики также вызывает мало доверия. Так, в 2009 году Кремль вышел из Энергетической Хартии ЕС, которую Украина уже ратифицировала. Компании по эксплуатации как Северного, так и Южного потока, хотя в их задачи входит главным образом обеспечение газом стран-членов ЕС, зарегистрированы в хорошо известном среди обозревателей, пишущих о постсоветских олигархах, швейцарском кантоне Цуг. Во время волны похолодания в феврале 2012 года проявилась и «избирательная надежность» Газпрома в качестве поставщика газа, когда он оказался не в состоянии удовлетворить повысившуюся потребность в газе как внутри России, так и за ее пределами, и поставил выполнение своих договоров в зависимость от политических предпочтений Кремля.¹⁴

Украина и проекты российских трубопроводов

Часто в качестве аргумента в пользу строительства обходных газопроводов по дну Балтийского и Черного морей используются газовые конфликты между Украиной и Россией последних лет, а также их последствия для ЕС и опасность новых подобных разногласий. Неоспоримо и то, что нынешние проблемы Украины в сфере энергетики в значительной степени являются домашними, и во многом связаны со свирепствующей коррупцией и недостаточной волей к осуществлению реформ. Только украинское руководство несет ответственность за то, что ухудшающееся состояние украинской ГТС способствует повышению интереса Запада к российским проектам строительства трубопроводов.

Однако, во-первых, невыясненным остается пока вопрос о мере ответственности украинской стороны в сопоставлении с российской за перебои в поставках газа в начале 2006 и в 2009 гг. Под давлением некоторых европейских столиц Юлия Тимошенко, занимавшая тогда должность премьер-министра Украины, в январе 2009 года заключила газовый контракт с премьер-министром России Владимиром Путиным.¹⁵ То, что у украинского руководства в то время, очевидно, не было возможности, выторговать выгодную для Украины сделку, косвенно объясняет, например, наличие в исходном варианте контракта одиозного условия по принципу „take or pay», в соответствии с которым клиент облагается значительными штрафами в случае отказа от предусмотренного контрактом объема поставок. Все же эта оговорка в ноябре 2009 года была изъята из соглашения.¹⁶

Газовый контракт 2009 года стал причиной более высокой цены на газ для Украины, чем для богатой Германии. И это несмотря на то, что Украина, благодаря Харьковским соглашениям 2010 года, получила скидку в размере 100 долларов США за тысячу кубических метров газа в обмен на продление до 2042 или 2047 года договора аренды на территорию площадью в 18 тысяч 240 гектаров в самом Севастополе и вокруг него,

¹⁴ Jonas Grätz: Gazprom. Selective reliability as a power instrument, in: New Eastern Europe, 2.3.2012. <http://www.neweasterneurope.eu/node/225>.

¹⁵ Точнее говоря, договор конечно же был заключен между государственными концернами «Газпром» и «Нефтегаз». Однако он стал предметом переговоров между двумя руководителями правительств.

¹⁶ Репе: Die Gasversorgung Europas, с. 106

на которой размещается военная база российского Черноморского флота. Возникла угроза того, что по прежнему внушительная и после скидки цена Украины за российский газ может стать удавкой для и без того шаткого государственного бюджета Украины. Это обстоятельство и неуступчивость российской стороны на переговорах об установлении новой цены на газ для Украины позволяют сегодня Москве - вне зависимости от причин возникновения газового конфликта в начале 2009 года – фигурировать в качестве явного победителя. Показательно и то, что Москва в течение многих лет во весь голос жаловалась на то, что Украина получает российский газ по более низким ценам, чем на мировом рынке, а теперь не желает отойти от полученной при помощи заключения кабального договора 2009 года цены на украинский газ, которая существенно превышает уровень, установленный для ее финансово более сильных западноевропейских партнеров.

Во-вторых, с подводными трубопроводами связаны не только сомнительные политические практики Кремля, но и последующие затраты, а также новые риски для Европы. Трубопроводу «Южный поток», оценочная стоимость строительства которого составила не менее 18 млрд. долларов США, в связи с политической нестабильностью в черноморском регионе может угрожать не меньшая, а может быть и большая опасность, нежели украинскому сухопутному маршруту прохождения газа из России или Центральной Азии. «Северный поток» сам по себе оставит не у дел не только транспортную инфраструктуру Украины, но и Словакии, а также Чешской Республики и Австрии, и сделает необходимыми инвестиции в переброску объемов газа из Запада на Восток.¹⁷

Неясна также и будущая роль больших украинских газохранилищ, полезность которых проявилась в экстремальных климатических условиях. Если в связи с переброской объемов газа, которые до сих пор проходили через территорию Украины, эти хранилища в будущем будут пустовать, ЕС может таким образом навредить сам себе. Гретц указывает на то, что при общей оценке стоимости проекта строительства по дну Балтийского моря «необходимо учитывать дополнительные затраты на строительство новых мощностей для хранения, поскольку Украина обладает мощными хранилищами, которые придется восполнить, если Северный поток должен будет заменить украинский транспортный коридор.»¹⁸

Как бы не оценивалась продуманность и надежность новых подводных трубопроводов для Запада, ясно одно: чем меньше Россия нуждается в украинских газопроводах для экспорта своего газа в ЕС, тем более слабой становится взаимозависимость обеих стран. Даже если – хотя в настоящее время этого не наблюдается – Украина вскоре форсирует освоение своих сланцевых месторождений, для Киева альтернативы российскому газу и впредь не будет. Если же российские офшорные проекты строительства газопроводов будут полностью осуществлены, Москва, напротив, шаг за шагом освободится от сковывающей ее зависимости от украинской газотранспортной системы. До сих пор обострение напряжения в отношениях между Россией с Украиной и Беларусью создавало угрозу нанесения ущерба крупномасштабным поставкам энергоносителей из Сибири и Центральной Азии в Центральную и Западную Европу, а тем самым и целостности российского бюджета, а также репутации Кремля в качестве поставщика энергии. Если бы Россия была в состоянии выполнять большую часть своих обязательств по поставкам перед Западом и без обоих «братских народов», таких препятствий не существовало бы. В худшем случае это могло бы подвинуть Кремль на

¹⁷ Grätz: Russia's Pipeline Overstretch, с. 10.

¹⁸ Там же.

бесцеремонное поведение в вопросе суверенитета своих стран-соседей, похожее на то, которое он демонстрирует ныне в Приднестровье, Абхазии или Южной Осетии.

За прошедшие годы Германия – по крайней мере в глазах киевской политической элиты – выступала в роли «подносчика снарядов» в геэкономических рокировках Кремля. К этому следует добавить, что позиция Ангелы Меркель на Бухарестском саммите НАТО весной 2008 года, возможно, оказалась решающей в принятии тогда решения об отказе Украине и Грузии во вступлении в т.н. План действий по обретению членства в НАТО. В своей совокупности этот и другие примеры поведения Берлина возрождают у украинских комментаторов воспоминания о прежних антиукраинских или воспринимаемых как таковые акциях Германии во время и в предверии обеих мировых войн. Остается только упомянуть, что сотрудничество Германии с российским государственным концерном подвергается жесткой критике не только украинских патриотов, но и российских национал-демократов, в частности, Алексея Навального. По мнению Навального, это связано больше с внешне-, чем внутривнутриполитическим измерением такого сотрудничества, которое усиливает авторитаризм и коррумпированность нынешних правителей Кремля.¹⁹

На этом фоне радует недавняя инициатива немецкого предприятия Ферросталь относительно поставок промышленного оборудования с целью модернизации части украинской газотранспортной системы.²⁰ Этот проект сопровождается Восточным комитетом немецкой экономики, которым с некоторого времени руководит авторитетный эксперт по Украине и Беларуси Райнер Линднер. Вначале частичное, а позже, не исключено, и полное обновление крупной украинской сети трубопроводов и хранилищ было бы менее затратным, чем Южный поток. При условии успешной реализации оно, вероятно, сделало бы экономически еще более бессмысленными и без того дорогие проекты Газпрома в Балтийском и Черном море ввиду снижения российских газовых запасов, освоения мировых залежей сланцевого газа, поставок сжиженного газа из Ближнего Востока, а также конкурентных проектов по прокладке трубопроводов. На этом фоне некоторые обозреватели считают Южный поток большим кремлевским блефом, единственное назначение которого заключается в том, чтобы оказывать дальнейшее давление на Украину и побудить Киев к передаче своей газотранспортной системы, нуждающейся в санации, Газпрому, как это сделал ранее Минск.

Второй пилотный проект аналогичной направленности, инициированный недавно Восточным комитетом немецкой экономики, касается энергосбережения, также злободневной темы для Украины, страны с одним из самых высоких уровней энергопотребления. С помощью ряда немецких предприятий небольшой галичанский городок Жовква должен превратиться в «энергоэффективный город», а санация его коммунальной инфраструктуры посредством различных энергосберегающих технологий стать моделью для всей Украины. При этом предусмотрено вовлечение в процесс санации населения Жовквы посредством выставок и информационных мероприятий.²¹ Заслуживающие одобрения инициативы Восточного комитета пример

¹⁹ Nils Kreimeier: Russlands Opposition klagt Deutschland an. Interview mit Alexej Nawalny, in: Financial Times Deutschland, 2.3.2012.

²⁰ Vladimir Socor: Ukraine Enlists German Effort to Upgrade Gas Transit System Publication, in: Eurasia Daily Monitor, Jg. 9, Nr. 126, 3.7.2012, <http://www.jamestown.org/programs/edm/>.

²¹ Ina Rumjantseva: Ost-Ausschuss initiiert Pilotprojekt in der Ukraine. Die galizische Kleinstadt Schowkwa soll mit deutscher Technik energetisch modernisiert werden, in: Ost-Ausschuss der Deutschen Wirtschaft, 7.5.2012, <http://www-ost-ausschuss.de/ost-ausschuss-initiiert-pilotprojekt-der-ukraine>.

возможности реализации Германией собственных интересов при одновременном оказании помощи Украине в деле модернизации ее общества и консолидации как независимого государства.

Новая восточноевропейская политика

Помимо этого, должно измениться и видение Германией Восточной Европы в целом, а также удельный вес нашего внимания к ней. В свете своего потенциала в сфере геополитики, военной и энергетической политики Российская Федерация и впредь останется в фокусе внимания. Однако в меру активизации усилий Германии на Востоке, основанной на чувстве ответственности за наши бывшие преступления и видении демократической объединенной Европы, исторически и политически сомнительной становится наша предыдущая заикленность на России.²² Такая активизация связана не только со страданиями, которым в равной степени во время Второй мировой войны подверглись русские, украинцы и белорусы. Намного более весомым фактором здесь является новая общеполитическая ситуация в Восточной Европе в результате трансмутаций структур российской власти во внутривластные авторитарный, а внешнеполитически – реваншистский режим в течение последнего десятилетия.²³ Кремль и за пределами мнимой Российской Федерации оказывает поддержку антидемократическим движениям на постсоветском пространстве.²⁴ В формуле «Евразийского Союза», провозглашенной Путиным в конце 2011 года, Кремль озвучил свои будущие амбиции на территории бывшего СССР.²⁵ Уже сегодня существует взаимообусловленность между вступлением Украины в существующий российско-беларусско-казахский Таможенный союз, которого требует Москва, и пересмотром цены на газ. Если бы различные жертвы бывшей немецкой агрессии в Восточной Европе и в будущем продолжали ссориться друг с другом, исторически обоснованное предпочтение России со стороны немецкой внешней политики изжило бы себя.

В свете нового расклада необходима своеобразная «новая восточная политика» со стороны Берлина, сочетающая в себе высокий уровень внимания к России и постоянную заботу о «промежуточной Европе» - в первую очередь – Украине. Такие мысли, правда, давно звучат в Берлине.²⁶ Они обрели актуальность уже несколько лет назад ввиду политического отката в России и нашли свое выражение в ряде политических и аналитических публикаций.²⁷ Частично призывы к соответствующей переориентации

²² Andreas Umland: Für eine neue Osteuropa-Politik. Europas Weg nach Moskau führt über Kiew, in: Internationale Politik, Jg. 66, Nr. 4, 2011, с. 86-92.

²³ Margarete Mommsen: Rußland unter Putin. Von der gelenkten zur imitierten Demokratie, in: Osteuropa, Nr. 10, 2005, с. 160-164; Andreas Heinemann-Grüder: Kontrollregime: Russland unter Putin&Medvedev, in: Osteuropa, Nr. 9, 2009, с. 27-48.

²⁴ Thomas Ambrosio, Authoritarian Backlash. Russian Resistance to Democratization in the Former Soviet Union: Farnham, 2009; Antje Köstner: Russland. Begünstigung autoritärer Tendenzen im postsowjetischen Raum, in: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik: Analysen und Stellungnahmen, Nr. 2, 2010, с. 1-4; Julia Bader, Jörn Grävingholt und Antje Kästner: Would Autocracies Promote Atocracy? A Political Economy Perspective on Regime-type Export in Regional Neighbourhoods, in: Contemporary Politics, Bd. 16, Nr. 1, 2010, с. 81-100.

²⁵ Andreas Umland: The stillborn project of a Eurasian Union. Why Post-Soviet integration has little prospects, in: Valdai International Discussion Club, 7.12.2011. http://valdaiclub.com/near_abroad/35800.html.

²⁶ См., например, работы последнего времени: Susanne Stewart: Prämissen hinterfragen. Plädoyer für eine Neugestaltung der deutschen Russlandpolitik, in: SWP-Aktuell, A50, August 2012. http://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/aktuell/2012A50_stw.pdf; Stefan Meister: Deutsche Russland-Politik, in: Internationale Politik, Nr. 6, 2012, с. 54-59.

²⁷ В связи с Украиной см., напр.: Wilfried Jilge. Eine verstärkte Unterstützung der Ukraine ist weiter im europäischen Interesse, in: Jahresbericht der Eberhard-Schoeck-Stiftung 2007-2008. Baden-Baden, 2009. С. 28-33; http://www.eberhard-schoeck-stiftung.de/fileadmin/user_upload/eberhard-schoeck-stiftung.de/Publikationen/esst_jb0708_v09_72dpi.pdf.

озвучиваются даже в выступлениях самих вовлеченных в этот процесс действующих лиц.²⁸ Так, в феврале 2012 года межпартийная группа политиков, интересующихся Восточной Европой, в здании Немецкого общества иностранной политики представила совместный документ о своей позиции по внешней политике Германии и Восточному Партнерству. В нем подчеркивается геостратегическое значение этой инициативы ЕС для интересов Германии, инициируется назначение Уполномоченного по вопросам Восточного Партнерства и выдвигается настоятельное требование предоставления перспективы членства в ЕС в качестве инструмента, дополняющего политику соседства Брюсселя, а также заключения договоров об ассоциации ЕС с такими странами, как Украина, Молдова и Грузия.²⁹

Однако лишь спустя некоторое время можно будет сказать, насколько публичная солидарность и растущий интерес отдельных активных личностей смогут повлиять и на поиск решений в среде политической элиты. Но невзирая на все политические репрессии в Москве, их громкое осуждение в немецких средствах массовой информации, при практической реализации внешней политики Германии в прошедшие годы как и ранее действовала своеобразная политика по принципу «Россия прежде всего».³⁰ Это несложно проследить по планам визитов и приемов различных федеральных правительств, а также многих близких к ним немецких организаций, последнего десятилетия. Повышенное внимание к Украине в более ранние периоды, в частности, во время и после Оранжевой революции в конце 2004 года, никогда даже приблизительно не достигало уровня России и имело, если это вообще происходило, лишь ограниченное или запоздалое влияние на внешнюю политику Германии.

Так, например, Вольфганг Шойбле, в то время заместитель председателя фракции партии ХДС/ХСС в Немецком Бундестаге, в статье, датированной январем 2005 года, непосредственно после украинского восстания против фальсификации выборов, жаловался на то, что «ЕС до сих пор в своих высказываниях о европейской перспективе Украины ограничивался соблюдением принципа равноудаленности». Шойбле требует: «Теперь ЕС не имеет права бросить эту страну наедине с собой, а должен быть готов к тому, чтобы однажды, при условии реализации демократии, правогосударственности и рыночной экономики, вовлечь ее в структуры ЕС».³¹ Однако подобные идеи не имели сколь-нибудь существенных последствий ни для немецкой, ни для европейской политики в отношении Украины.

Вместо этого, вскоре, в феврале 2005 года Украина и ЕС приняли так называемый «План действий», основное содержание которого получило благословение ЕС еще в предыдущем году – то есть еще до окончательного успеха Оранжевой революции конца 2004 года. Название этого документа «План действий» стало меткой очковитирательства дипломатов, вовлеченных в вопрос об европейской интеграции Украины. Принятие документа, разработанного еще в период президентства полуавтократического

²⁸ См., напр.: Walter Steinmeier: *Verflechtung und Integration. Eine neue Phase der Ostpolitik der EU. Nicht Abgrenzung, sondern Vernetzung lautet das Gebot der Globalisierung*, in: *Internationale Politik*, Jg. 62; H. 3, 2007, с. 6-11; Ralf Fücks: *Neighbours Without Fences. The way forward to European Integration, not spheres of influence*, in: *IP Global Edition*, Jg. 11, Nr. 5, 2012, с. 7-12.

²⁹ Markus Meckel, Georg Milbradt, Friedbert Pflüger, Christian Schwarz-Schilling, Rainer Steenblock, Rita Süßmuth, Günter Verheugen, Karsten D. Voigt. *Deutsche Außenpolitik und Östliche Partnerschaft. Positionspapier der Expertengruppe Östliche Partnerschaft*. Hrsg. von Irene Hahn und Gereon Schuch. DGAPStandpunkt, Nr. 1, 2012.

³⁰ Iris Kempe: *From a European Neighborhood Policy toward a New Ostpolitik*

³¹ Wolfgang Schäuble: *Die uropäische Integration voranbringen*, in: *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 27.1.2005.

президента Леонида Кучмы в январе-декабре 2004 года, который, однако, появился как реакция на одно из наиболее массовых проявлений гражданского неповиновения в истории Европы, иллюстрирует неспособность европейской политики к адекватной реакции на вызовы истории.

Правда, начиная с 2007 года, ЕС, хоть и с опозданием, но все-таки адекватно отреагировал на эти события, когда разработал вместе с Украиной расширенный Договор об ассоциации, ведь парафированный в 2012 году проект договора, предусматривающий политическую ассоциацию и, в особенности, расширенную зону свободной торговли, стал бы самым большим соглашением, которое ЕС заключил бы со страной, не являющейся его членом. Но официальной перспективы членства в ЕС для Украины не существует и поныне, и Германия несет часть ответственности за это. Это упущение связано как с нежеланием бюрократии в ЕС, так и со скептическим отношением европейских элит к членству Украины в ЕС. Эти, скорее эмоциональные или психологические факторы все же понятны ввиду раздражающего механизма функционирования украинской внутренней политики и ошибочного поведения украинского руководства на международной сцене.

И все же политологические исследования в Европе за прошедшее время подробно доказали значимость открытого предложения о вступлении в ЕС для успешных преобразований в посткоммунистических странах переходного периода.³² К тому же недавно, после обретения Турцией статуса кандидата на вступление в ЕС с неясным будущим, был создан прецедент отмены существовавшего доселе автоматизма между перспективой членства, даже статусом кандидата, и последующим приемом в Европейский Союз. На этом фоне основными причинами различных форм бездействия в немецкой политике относительно Украины кажутся не столь осознанные коллективные решения, сколько попросту невнимательность к Украине и ее геополитическому значению, а также продолжающееся доминирование России в общей картине Восточной Европы, сложившейся в сознании субъектов принятия политических решений в Германии. Несмотря на бурные заявления Шойбле, а также иные, подобные ему высказывания в других политических лагерях, в принципиальных приоритетах немецкой восточной политики и ее фиксации на Москве после развала Советского Союза мало что изменилось. И это, несмотря на иную гео- и внутривосточную ситуацию в Восточной Европе по сравнению с 1991 годом и на изменения в общественном мнении о России.

Современный историк из Айхштетта Леонид Лукс в 2000 году в своей книге *История России и Советского Союза* указал на то, что процессы сближения Германии и СССР в 20-е годы при правлении Штрэземанна и в 70-е годы при правительстве Брандта-Шееля в чем-то были похожи. Однако они отличались в частности тем, что Штрэземанн в свое время сосредоточился на Москве, в то время как Брандт и Шеель сознательно проводили одновременную политику примирения с Польшей.³³ Сегодня необходима такая же параллельная стратегия: в сотрудничестве с европейскими партнерами Федеративная Республика Германия должна оказывать более сильную чем прежде поддержку консолидации украинской государственности. Однако она не может и

³² Например: Anna Vachudova: *Europe Undivided. Democracy, Leverage and Integration after Communism.* Oxford, 2005. О ситуации в Украине, например: Iryna Solonenko: *The EU's «Transformative Power» towards the Eastern Neighbourhood. The Case of Ukraine.* SPES Policy Papers, August 2010. http://www.iep-berlin.de/fileadmin/website/09_Publikationen/SPES_Policy_Papers/The_EU_S_transformative_power_towards_the_Eastern_neighbourhood- the case of Ukraine Iryna Solonenko.pdf.

³³ Leonid Luchs: *Geschichte Russlands und der Sowjetunion. Von Lenin zu Putin.* Regensburg, 2000. С. 243.

чрезмерно раздражать Кремль такими действиями, а потому вынуждена по возможности активно сотрудничать с Москвой.

Подобный эквилибристический трюк не всегда будет удачным и может повлечь за собой большую или меньшую отчужденность между Берлином и Москвой. Об этом пришлось бы только сожалеть. Однако главную вину за такие осложнения в конечном счете несет нынешнее руководство России. Если бы Россия отказалась от – ввиду больших внутренних проблем и без того сомнительных – великодержавных притязаний и бессмысленного соперничества с Западом вокруг бывших советских республик, освещенной выше дилеммы для Германии и ЕС не существовало бы. Тогда бы Украина с ее ориентацией на Запад была бы не бельмом на глазу для проевропейской России, а мостом к ее союзнику. Элита в Киеве не была бы столь антирусской, а возможно даже заинтересованной в более тесном сотрудничестве с Москвой, если бы та была более дружески настроена к Европе и Америке. Если бы к политической ассоциации и расширенной свободной торговле с ЕС, как это предусмотрено в парафированном Договоре об ассоциации между ЕС и Украиной, стремилась не только Украина, но и Россия, не существовало бы и большей части спорных вопросов в отношениях между братскими народами и связанных с ними закладных в немецко-российских и иных отношениях России с западными государствами.

Впрочем до сих пор Москва в вопросе о будущей интеграционной модели Украины ограничивалась конфликтом по принципу «или – или» и ведет спор о ценах и транспортных путях природного газа в жесткой форме. Эти устремления нашли свое конкретное институциональное проявление в проекте Евразийского Союза, главная цель которого, по словам Фёдора Лукьянова, состоит в интеграции России с Украиной.³⁴ Поэтому нынешние дипломатические споры будут продолжаться, равно как неизбежно сохранится в будущем и углубляющаяся конфронтация между Украиной и Россией. Германии стоит более точно, чем прежде, подумать о том, какую позицию она должна занять в этих разногласиях.

За последние 20 лет различные составы украинских правительств по отчасти разным причинам конечно же не облегчали задачу более четкого проявления позиции солидарности с Украиной со стороны Германии. Так, в частности, в 2002 году администрацией тогдашнего президента Кучмы был легкомысленно упущен шанс на создание совместного украинско-немецко-русского консорциума по эксплуатации и модернизации украинской ГТС.³⁵ В период с 2005 по 2010 гг. препятствием для более эффективного немецко-украинского сотрудничества – наряду с другими факторами – стало обострение борьбы за власть между администрацией президента и правительством. После прихода к власти в феврале 2010 года президента Януковича главной проблемой в отношениях между Украиной и всем Западом стал усиливающийся подрыв и без того слабо выраженных демократических институтов и механизмов правового государства. Регресс последнего времени в Украине на протяжении нескольких месяцев парализует политические и экономические отношения между Украиной и Западом и препятствует подписанию парафированного Договора об ассоциации между Украиной и ЕС.

³⁴ Fyodor Lukyanov: The Euroasian Misconception, in: Valdai International Discussion Club, 30.8.2012. <http://valdaiclub.com/europe/48300.html>.

³⁵ Из личного общения с Послом в отставке Дитмаром Штюдеманном, Берлин, 3.7.2012 г. См. также: *Pepe: Die Gasversorgung Europas*. С. 111.

С одной стороны, размах нынешних авторитарных тенденций в Украине все же меньше, чем в большинстве других постсоветских государств. С другой стороны, история украинской политики последних 20 лет была более переменчивой по сравнению в частности с Россией или Беларусью. Она включала в себя волны демократического подъема и откатов и позволяет предположить, что маятник, быть может, вскоре качнется и в другую сторону. Дестабилизация полуавторитарного режима Януковича кажется лишь вопросом времени.

Следует согласиться с мнением Вилфрида Йилге о том, что мяч находится нынче на половине поля Украины, и что европейский «процесс интеграции существенно выиграл бы в динамике, если бы Украина осознала политическое измерение Договора об ассоциации и широко использовала бы его».³⁶ С другой стороны, спустя несколько лет медленно растущего внимания Брюсселя и Берлина к Украине, в оценке пригодности Украины к вступлению в ЕС возникла проблема яйца/курицы: чем является политический откат последнего времени в Киеве, причиной или результатом то и дело тормозящегося сближения с Брюсселем? В частности, фактором, осложняющим прогресс в Украине, очевидно, была и остается отсутствующая и поныне перспектива членства в ЕС, что наглядно демонстрирует и развитие тех стран Центральной и Восточной Европы, которые сопоставимы с Украиной и которые на раннем этапе получили такую перспективу.

Кроме того, в свете опыта прошедших 20 лет остается открытым вопрос, какую степень гибкости могут реально продемонстрировать, например, Германия, равно как и другие влиятельные страны-члены ЕС, в частности Франция или Италия, если, как в 2005 году после Оранжевой революции, в самом деле появится шанс на новое существенное сближение Украины с Западом. Ведь эти же страны уже сейчас, в нынешних политических условиях в Украине, могли бы более интенсивно, чем до сих пор сотрудничать с Киевом в некоторых областях, в частности транспорта и более эффективного использования энергии. Дорогие российские проекты по сооружению подводных трубопроводов могли бы уже сегодня рассматриваться как то, чем они есть на самом деле, а именно, как скорее геостратегические, нежели экономически обоснованные кремлевские проекты, нацеленные на ослабление переговорных позиций Украины. Переоценка немецких интересов в Восточной Европе, основывающаяся на таком подходе, и последующая переориентация внешней политики Берлина была бы – независимо от нынешнего внутреннего политического развития в Украине – возможна уже сегодня. Такой шаг со стороны Германии вызвал бы облегчение не только в рядах политического руководства в Киеве, но и прежде всего в среде украинской общественности.

Более осязаемое восприятие Германии как друга Украины и партнера в деле консолидации украинского государства облегчило бы и влияние Германии на политические процессы в Киеве. Чем сильнее в Киеве впечатление о Западе, как о заинтересованной в Украине и дружественной ей стороне, тем больший вес обретали бы его требования приближения к европейским послевоенным стандартам. Постоянно приводимый скептиками или противниками сближения Украины с ЕС в Киеве стандартный аргумент против ориентации Киева на Брюссель гласит, что поведение Запада в отношении Украины за прошедшие годы было пронизано отсутствием интереса, сдержанностью или холодом. И хотя главная причина этого кроется и в манерах самого Киева, нельзя отрицать того, что усилия Запада по удовлетворению

³⁶ Из личного общения с Вилфридом Йилге, Ляйпцигский университет, 30.7.2012 г.

потребностей Украины за последние 20 лет разворачивались преимущественно в риторической плоскости или же ограничивались определенными формами помощи в интересах развития, при этом отсутствовали отчетливые и реальные шаги и не прослеживалась продуманная долгосрочная стратегия.

Новый подход ЕС мог бы, в частности, состоять в переосмыслении отказа в подписании уже парафированного Договора об ассоциации с Украиной, как это было до сих пор. Вместо увязывания подписи под договором с широким процессом редемократизации Украины, можно было бы осуществлять стратегию, бегло освещенную известным лондонским украинистом и политологом Эндрю Вильсоном в конце 2011 года по формуле «Sign and Sanction».³⁷ При подходящей возможности ЕС мог бы подписать Договор об ассоциации, однако увязать его ратификацию с четкими условиями и одновременно применить нацеленные единичные санкции. Так, например, Брюссель мог бы наложить запрет на выдачу виз украинским чиновникам, судьям, политикам и т.д., причастным к сомнительным политическим и юридическим акциям, а также предусмотреть для них другие виды порицания.

Следующим полем деятельности могла бы стать форсированная либерализация с конечной отменой визового режима для населения Украины и других стран-участниц программы Восточного Партнерства. Основная причина того, почему восточные страны-партнеры ЕС до сих пор не получили безвизового режима, кроется опять-таки в том, что этот вопрос не ставится самими этими странами. Но как свидетельствует последнее совместное обращение девяти ведущих европейских и турецких экономических объединений по вопросу о либерализации визовой политики в отношениях с названными странами (а также Россией и Турцией), и в ЕС, а также ее странах-членах существуют препятствующие этому нормы, стереотипы и подходы, нуждающиеся в пересмотре.³⁸

В общем и целом необоснованный скепсис, исторические предрассудки и бюрократическая инертность со стороны ЕС и его государств-членов и так являются лишь факторами второстепенного значения пробуксовки интеграции Восточной Европы и в особенности Украины. Главной причиной ущербности дискуссии о таких или подобных альтернативных подходах в восточной политике ЕС на Западе, в том числе и в Германии, является низкий ранг Украины в публичном дискурсе стран-членов ЕС и не в последнюю очередь – в Германии. При этом очевидно, что Украина имеет для ЕС не только региональное, но и геостратегическое значение. Сдвиг в сторону демократизации в Киеве при поддержке Запада мог бы оказать воздействие и на другие бывшие советские республики.³⁹

³⁷ Andrew Wilson: Ukraine under Yanukovich. The wrong man at the wrong time – building an authoritarian state after the “Arab Spring”: Foreign policy balancing after “Ukrainian fatigue”. Доклад на открытии 17-го коллоквиума по Украине в университете имени Эрнста Моритца Арендта в рамках научного Крупно-коллектива. Грайфсвальд, 6.7.2012 г. См. также: Andrew Wilson: Was the Summit Successful? Sanctions Should Start as EU Talks Continue, in: Kyiv Post, 22.12.2011. <http://www.kyivpost.com/opinion/op-ed/was-summit-successful-sanctions-should-start-as-eu.html>.

³⁸ Ost-Ausschuss der Deutschen Wirtschaft, MEDEF International Confederation of Finish Industries EK, Confederation of Danish Industry, Confindustria, PKPP Lewiatan, Confederation of Employers and Industries of Spain, Turkish Industry and Business Association TÜSIAD, Confederation of Industry of the Czech Republic: Wachstum über bestehende Grenzen hinaus. Gemeinsamer Appell zur Visaliberalisierung mit Russland, der Türkei und Osteuropa. 25.7.2012. http://www.ost-ausschuss.de/sites/default/files/pm_pdf/Visa-Appell-deutsch.pdf.

³⁹ Andreas Umland: Four Political Dimensions of Ukraine’s Future Europeanization, in: Harvard International Review, 28.6.2011. <http://hir.harvard.edu/four-political-dimensions-of-ukraine-s-future-europeanization>.

В свете содействия развитию демократии и правогосударственности на всем постсоветском пространстве разумной инвестицией могли бы стать более активные политические, а также экономические – а не только дипломатические или культурные – усилия Германии в отношении стран-участниц программы «Восточное партнерство», в частности Украины. Необходимые политические предпосылки для успеха таких инициатив не являются идеальными ни в одной из стран Восточного партнерства, а в Беларуси и в Азербайджане они практически отсутствуют. Однако тем государствам, которые – как, в частности, Украина – хотят этого, может быть оказана уже сегодня поддержка в обеспечении их суверенитета против гегемонистских устремлений России, а также в модернизации их экономических и общественных структур.

Стратегия Вильсона „Sign and Sanction“, поддерживаемое экономическими объединениями ускорение либерализации визового режима или описанные выше пилотные проекты Восточного комитета немецкой экономики в сфере энергетики указывают возможные пути. Тем не менее, пока нет ясности в том, удастся ли реализовать эти проекты в самом деле, как и не прослеживается наличие какой-то общей стратегии. Отдельные действия неоднократно уже предпринимались в прошлом. Приведут ли они или подобные им замыслы к существенному повороту в европейской восточной политике и прочному сдвигу в отношениях между Брюсселем, Берлином и Киевом? Ввиду продолжающегося маргинального положения Украины на ментальной карте европейских – и не в последнюю очередь, немецких – элит, этот вопрос остается открытым.